

“Ты специально искал меня?”

Это было нелепо.

Он саркастически спросил, рада ли она такому повороту событий. Но Эдит сказала это так, словно она была кем-то, кто мог исчезнуть в любой момент.

“Волнительно сознавать, что кому-то не все равно, куда ты ушла, не так ли?”

Выражение одиночества на ее лице было тем, чего Киллиан никогда не забудет.

Но любые мысли о смягчении по отношению к Эдит были пресечены словами Лизе в конце дня.

“Возможно, это моя ошибка, но ранее я слышала кое-что странное в особняке Эрмения”.

“Что случилось?”

“Ну... Я мимоходом разговаривала с Клиффом и отчетливо услышала, как наследник графа Ригельхоффа что-то говорил графу о герцоге Людвиге”.

“...что?”

Лизе поерзала своими маленькими ручками, затем заговорила по просьбе Киллиана уточнить.

“На самом деле я почти ничего не слышала, это был такой мимолетный момент, что даже Клифф его не заметил... но я почти уверена, что услышал слова "герцог Людвиг" и имя Эдит. Он вчера встречался с Эдит?”

Холодок тревоги пробежал по центру его груди.

Затем, несколько дней спустя, утром Шейн привел одну из служанок своей семьи и, казалось, почувствовал необходимость посадить ее рядом с Эдит.

‘Интересно, не об этом ли они разговаривали раньше...’

Киллиан подумал о графе Ригельхоффе, который пытался привести горничную для Эдит еще до того, как они поженились.

На первый взгляд, горничная, которую привел Шейн, не была похожа на обычную горничную.

Что за горничная может быть такой грубой в присутствии семьи герцога?

‘Возможно, Эдит рассказала Шейну о своем тяжелом положении, и именно поэтому он был так зол на Людвигов, что предложил дать ей горничную, и, возможно, Эдит была так тронута, что у нее выступили слезы...’

Возможно, румянец на ее щеке действительно был от солнца, как она и сказала.

Из-за этих сомнений неоднократные отказы Эдит казались притворством.

Пошли даже слухи о преследовании Эдит, так что не было никакой возможности, чтобы она не взяла горничную к себе.

‘Посмотрим. Отношение Эдит притворное или она искренна?’

На следующий день София стала постоянной горничной Эдит, и герцог тайно увеличил количество охранников вокруг них.

Эта мысль приходила мне в голову несколько раз в моей прошлой жизни, и я думаю об этом каждый день как Эдит.

‘Я бы предпочла работать’.

Я наконец перевожу дыхание, когда добираюсь утром до рабочего места, где могу избежать пристального внимания Софии.

‘Кроме того, если я приду в офис Ренона, я смогу, по крайней мере, выпить чай и перекусить!’

Обычно я не люблю перекусывать на работе, но я умирала с голоду.

София морила меня голодом.

“Похоже, вы наслаждаетесь... сегодняшним угощением”, - сказал Ренон. По его лицу невозможно было понять, о чем, черт возьми, он думает.

“Ах, ха-ха, ну да, они сегодня вкусные...”

Я собиралась доесть печенье и мадлен на своей тарелке, но ради чистой совести отложила одно для Ренона.

Должно быть, он посмотрел на меня с жалостью.

“Вы можете съесть их все”.

“А? А как насчет тебя?”

“Обычно я не люблю сладкое”.

Да, я это вижу.

Он выглядит так, словно намеренно пытается найти что-нибудь горькое для еды.

Но почему он сегодня такой красивый?

“Ну, тогда... Я не должна оставлять никаких объедков...”

Под этим неубедительным предлогом я прикончила остатки печенья и мадлен.

‘Ха, теперь я чувствую, что живу’.

Мой желудок был полон, но на самом деле мне хотелось мяса и хлеба, или, честно говоря, тарелки горячего супа.

Суп из свинины, суп из бычьих костей, суп из ростков фасоли, сливочный суп, устричный суп...

‘О, я схожу с ума’.

У меня потекли слюнки при одной мысли об этом.

“Хотите еще?” - спросил Ренон, вероятно, зная, что у меня текут слюнки.

Но с меня хватит сладостей.

“Нет. Давай... приступим к работе, хорошо?”

Но позже тем же вечером я пожалела, что не заправилась печеньем и мадленом.

Я знала, что не смогу есть их в течение следующих нескольких дней, потому что у меня будут выходные.

“Тебе не кажется, что морить меня голодом - это чересчур?”

Я пожаловалась, свирепо глядя на Софию, но ей от этого стало только веселее.

“Если ты хочешь, чтобы тебя кормили, ты должна доказать, что ты полезна”.

“Ты относишься к людям как к животным, да?”

“Даже животное понимает, когда ты бьешь его вот так. Я не думаю, что ты так же хороша, как животное”.

“Забавно. Может, ты и собака моего отца. Но я человек, и у меня есть собственная свободная воля”.

“Я с нетерпением жду возможности увидеть, как далеко зайдет свобода воли перед лицом голода”.

София насмеялась надо мной, затем внезапно протянула руку и схватила меня за волосы, дико встряхивая их.

“Эй, эй, отстань от меня!”

Немного потаскав меня, она отпустила мои волосы и откинула мою голову обратно на подушку.

“Если тебе не нравится, когда тебя бьют, тебе придется быть послушной”.

“Хах... хах... кто ты, черт возьми, такая...”

“Серьезно, что произошло за это время? Ты не была настолько глупа... тск.”

Я получила еще несколько жестоких ударов по лопаткам и позвоночнику, но София прижала мою голову к подушке, так что я не могла даже закричать.

Но это было странно.

В своей прошлой жизни я никогда бы не сочла себя достаточно храброй, чтобы противостоять такому насилию, но теперь я не хочу сдаваться.

Я хочу противостоять насилию, которому Ригельхоффы подвергли Эдит.

Я хочу защитить самоуважение, которое Эдит так беспомощно потеряла.

По крайней мере, я знаю, что они не могут убить меня.

На самом деле, есть и другая причина.

'Не может быть, чтобы у герцога здесь не было охраны, которая бы не следила за происходящим'.

Я уверена, что кто-то там наблюдает.

Конечно, никто не знает, что происходит в этой комнате, но ошибки случаются.

Они могли бы заметить странные движения Софии.

'Конечно, это достигло бы ушей Киллиана, и насколько трудно было бы прояснить это недоразумение?'

Киллиан - мой спасательный круг.

Если он поймет меня неправильно, я знаю, что не смогу объяснить это сразу.

'... Я скучаю по Киллиану'.

Мысли о Киллиане заставили меня снова скучать по нему.

Я хотела рассказать ему все о своей ситуации и умолять его помочь мне.

Но потом я снова услышала откуда-то голос, похожий на голос диктора.

[Эдит Ригельхофф не может раскрыть скрытые настройки о себе, пока не выполнит условия трехуровневого исключения.]

Я достаточно наслушался этого во сне, и теперь я снова слышу это наяву?

'Я знаю, я знаю!'

Я хмыкнула, плюхаясь на кровать.

София хихикнула, выходя из комнаты Эдит.

'Что именно произошло? Похоже, она изменилась, не так ли?'

Я уверена, что никто не знает Эдит Ригельхофф лучше меня.

Я была ее личной служанкой с тех пор, как ей исполнилось двенадцать, и я была той, кто "дисциплинировала" ее.

Но это не та Эдит, которую я знаю.

'Почему девочка, которая была напугана и послушна даже от одной пощечины, вдруг стала такой другой?'

Эдит, которая с раннего возраста росла в условиях суровых наказаний графа Ригельхоффа, стала чрезвычайно слабой перед лицом насилия.

Настолько, что, когда она была на улице, приходилось натягивать поводок настолько сильно, насколько она могла справиться. Иначе она беспомощно упала бы, если бы ее слишком сильно ударили.

Но всего за несколько месяцев она стала совершенно другим человеком, и даже после избиения она свирепо смотрела на меня и отпускала высокомерные замечания.

“Какая глупая девчонка, что забыла своего учителя. Я должна снова хорошенько наказать ее”.

Несмотря на ее раздраженное бормотание, улыбка предвкушения украсила ее губы.

На самом деле, София получала огромное удовольствие, избивая Эдит.

Как тешит ее это то, что она, некогда наемница-простолюдинка, смогла безжалостно избить дворянку.

‘Досадно, что я не могу сделать этого на глазах у других...’

Поскольку Людвиги не должны были меня разоблачить, мне пришлось выбирать части тела, прикрытые одеждой, и ударить ее ровно настолько, чтобы она не истекла кровью, что неизбежно ослабило мой удар, что немного разочаровывает.

Однако, поскольку у людей более одной жизненно важной точки, существует множество способов пытать их, без потери крови.

‘Давай посмотрим, как долго ты сможешь сохранять самодовольное выражение лица’.

Усмехнувшись, София надела свое бесстрастное лицо горничной и направилась в столовую, чтобы забрать ужин.

Внизу лестницы она столкнулась с известной по слухам Лизе Синклер.

“О, привет, я слышала, ты новая горничная Эдит”.

“Я София... приятно познакомиться”.

“Так тебя зовут София, приятно познакомиться”.

Ее улыбка была искренней.

Какой бы ослепительно красивой она ни была в слухах, София почувствовала, как у нее скрутило живот.

‘Девочка-лисичка’.

Для Софии Лизе была на том же уровне, что и Эдит, или даже ниже.

‘Она похожа на похотливую шлюху, которая соблазняет мужчин своим невинным личиком!’

Иначе Шейн, который всегда был холодным и рациональным, ни за что не был бы ею так очарован.